

История и судьбы

Есть на что полюбоваться!

...Я еще совсем небольшая была, а помню, как мама мне на Пасху яичек крашенных давала. И я бежала на улицу их «катать», такая игра у ребятшек была раньше. И цветы мне мама красивые давала в этот праздничный день. Весело было в тот день даже нам, маленьким...

Вспоминает Мария Степановна Баукова: Жили мы в мордовском селе Уреи. Отца звали Степан Константинович, а маму мою Аграфеной Васильевной. Нас пятеро у мамы было, я — предпоследняя. У нас церкви там не было. Но мама научила нас молиться. Иконочку она поставит

перед нами и все молимся. Мама воспитывала нас хорошо. Не ругала нас, а мы ее все слушались. Во всем ей помогали, а как же?! Мама с отцом целый день на работе. А для нас добрых дел по дому много: то картошку мотыжить, то сажать, то полоть, то копать, то стирать... Мама, что нам скажет, то мы и выполняли. Каждому свое задание давала. Никогда мы не ослушались. Она придет, только радуется. Мама и поцелует каждого в щечку. Любила нас очень. А отец строго воспитывал, если из нас кто кого вдруг нечаянно обзовет, он как по столу стукнет: «Не смей так делать! Прямо, сейчас язык оторву за это». Отца уважали и повиновались. И самое главное в воспитании нашем был труд. Мы маленькие, а понимали, что отцу с матерью надо помогать. Я вот и стирала, и полы мыла, и на огороде работала... Раньше под 40 соток была усадьба под каждым двором. И все сажали, и все убирали. И все мы дружны между собой были. Хорошо мы при родителях жили.

Это сейчас все огороды заброшенные стоят, белье машины стирают, воду носить

не надо, печи не топятся. Как же дети без труда не избалуются?! Они уже трудиться не хотят. Не трудились, да устали! А раньше мы и не уставали как-то. Сколько бы ни работали, еще и погулять вечером успевали. Я уж не маленькая была, а мне мама строго скажет: «Иди, но только не долго!» И все мы слушались своих родителей.

Мне 14 лет всего было, когда война началась. Крапивы много тогда поели и щавеля, жизнь была голодная. Меня отправили на торфоразработки. Там работали из последних сил, а потом дадут кусочек хлеба — грамм 200 и кружку бульона. Вот и вся пайка на день. Работали много, ели мало.

В марте нас угнали под Брянск, первый раз покойных солдат после боев собирать и хоронить. А был мороз сильный. И снегу много. Откапывать было трудно. От некоторых тел мало что осталось. Вот мы ямы копали и хоронили по три человека. А на могилках отмечали на дощечках: кто, с какого года, откуда. Десять могил, вот и считай: 10 на 3 — тридцать солдатиков упокоили.

А потом еще нас погнали в другое место окопы копать. Там пулеметный огонь, а мы копали, что делать, надо. А между нами и немцами солдатики наши убитые лежат. Нам сразу не разрешили их хоронить, чтобы под прямой обстрел не попали. Их позже собирали и в вырытую траншею хоронили. Получалась братская могила. Ох, тяжело было. Я все время плакала. А меня бригадир ругал: «Да ты бросишь скулить или нет?! Я тебя сей час домой отправлю!» А разве не жалко — сколько людей полегло!

Люди мы или кто?! Вот я и плакала. Сейчас, когда ветеранов собирают, и меня просят рассказать про войну, я не могу. Рада бы, да не могу — и сейчас, как вспомню — так слезы и льются, я не могу говорить. Сколько же мы их за войну захоронили!!!

После войны долго еще голодом мучились. Много горя хлебнули. Дома сеяли хлеба. Урожай подходил, я стога метала. Мужики кидают мне вилами, а я сверху сперва краем укладываю, потом середку набиваю. У нас стога высоко-окие были. Бригадир придет, похвалит: «И мечете хорошо, и стога хорошие, есть на что полюбоваться!» Все время я на поле и в работе была. То на лошадях копны возили и снопы ржаные на молотилку. Мужики, бывало, пашут, а мы бороним. Весь крестьянский труд мне знаком. А вечерами или в праздники песни пели. Я еще молодая была, но меня женщины часто звали: «Маруся, пойдём, споем!» Вот они басом, а я — первым голосом и запеваля. Много песен я раньше знала.

А сейчас вот и руки, и ноги ломит. От лмоты иной раз и ночь не спится, пока не разотрут мазями. Но Бог мне все время помогает. Не помогал бы, мы ничего бы и не смогли. А ведь в такие тяжелые годы выжили. Что бы я дома ни делала, мама мне всегда, помню, скажет: «Мария, ты сперва Богу помолись, а то ничего не выйдет». Я по маминому слову и живу. Вот я утром помолюсь, а потом уж на работу иду. Так всю жизнь. В детстве папа с мамой нас возили в церковь в село Каменка. Нас, всех пятерых детей, там и крестили. А по большим праздникам всех, бывало,

на телегу родители посадят и везут в церковь исповедоваться, причащаться.

У нас в Уреях школа была, а церкви не было. Я один год пошла в школу, меня отец от школы отнял. Обуть-одеть нечего. Один зипун был на пятерых детей. В школе не училась, но молиться умею. В деревне одна монашка жила. На площади у нас часовенка с иконами стояла. Она в ней псалтирь читала. Вот мы приходили все туда и молились. Как можно не верить в Бога, не понимаю?! Я и сейчас в церковь хожу, когда не болею. Давление у меня высокое бывает часто. Помню, меня раз батюшка так сильно святой водой на Пасху окропил. Одна прихожанка и говорит другой: «Смотри, с нее течет, как с гуся!» Смеялись все вокруг. Хорошо так было. А я и не вытирала модичку, думаю: «Хорошо бы, чтобы я поправлялась, да выздоровела!» А мне уж 22 марта 87 лет исполнится. Сейчас вот опять Пасху жду.

Из личных воспоминаний

Забыли люди Бога, и любовь меж ними пропала!

...Праздновала Пасху я с восьми лет. У нас храм далеко, в деревне Велюшки недалеко от Торбеева, сейчас эту деревню снесли. Или в Сабурово бегали. Меня сначала мама не пускала. Но уж больно нам хотелось. Мы ботиночки через плечо и бегом с ребятами в ночь побежим до храма, обуемся и ждем, когда храм откроется. Батюшка придет, храм откроет и построит детей впереди всех. Мы и стоим на Пасхальной службе. А в руках у нас пасочки испеченные. У меня, помню, была маленькая. А как после службы батюшка все освятит, я опять ботинки разуваю и босиком бегу назад с ребятами семь километров. Домой возвращалась часам к трем. Мама уже ждет, самовар гудит, а вокруг самовара яички крашенные выложены. Разговлялись и ложились спать. Ведь с каким нетерпением ждали мы этот день. И как радовались, когда он наступал!

Рассказывает прихожанка Васильевской церкви Александра Георгиевна Енова: Дни считали до Пасхи. Ой, вот уж всего одна неделя осталась! Вербное Воскресение настало. Мама скажет: «Детки, давайте рыбки поедим!» У нас папа тогда сетью в пруду с другими мужчинами ловили карасей на всю деревню. А кошек, бывало, возле пруда соберется, наверное, со всей деревни сбегались! Мама карасей этих потом сковородищу большую нажарит, да не одну! Чтобы все наелись.

Маму звали Анна, а отца — Георгий. Мама моя Богу веровала. И я с раннего детства верила в Бога. Нас было пять человек у мамы. Перед Пасхой мы постились. Все мы, дети, пост соблюдали только так! Строго было — рыбку только в Вербное Воскресенье пробовали. Ели огурцы да картошку, вот наша деревенская еда. А то свеклу или брюкву мама в чугуне наварит, мы и ели ее с солью. Овощи были свои, сами сажали, сами урожай собирали. В те годы родилось много всего. Огурцы солили бочками. А вкусно как все было раньше! Сейчас не так. А вот Богу веровали — и все было и лучше, и вкуснее. И дети были хорошие: не лукавили. Ведь много было в семьях ребятни — у кого семь, у кого — десять... У нас и то — пять. Но мы не дрались, не ругались, любили друг друга. Сейчас мало верующих-то! И еда в магазине невкусная, и дети непослушные, — забыли люди Бога, и любовь между ними пропала!

Вот у меня внук и внучка. И тоже ссорятся. Я им говорю: «Вы что конфету не поде-

лили?! Стыдно-то как!» А внуки не понимают. Вот они не хотят уже верить.

А мне Бог всегда помогал. Помню, даже в детстве. Другой раз на уроке прослушаю все, мимо ушей пропущу, потому что есть хочется. А домой приду и не знаю, что учить, будто в школе не была. Вот и прошу: «Господи, помоги все вспомнить и выучить!» Начинаю в книжках копать, и вдруг все нашла и уроки приготовила, даже стих выучила. Мамка говорит: «Умница, сегодня «пять» получишь!» И правда. Бог слышит и помогает. Я с детства церковная. Дедушка Михаил, мамин отец, нас заставлял на коленях перед иконой молиться. Постоянно в храм ходил, очень верующий человек был. И научил нас молитве «Отче наш...» У нас иконостас такой был большой, прямо до пола. Что-то не так сделала, не выучила, дедушка наказывал. Нас не били, на горох голыми коленками ставили. Больно очень. Хорошо нас воспитывали. Но я очень благодарна деду за строгость. Не пошла я в результате, как некоторые мои подруги, по скользкому пути — с ребятами гулять и не пойми чем заниматься. Я была девочка скромная и в школе меня любили. Так что правильное и строгое воспитание большую роль играет.

Сейчас одна живу, с тех пор как мой муж умер. Вот муж мой тоже верующий был, Сергей его звали. Перед смертью причащался почти каждую неделю. Говорил: «А меня тянет к Богу!» Смотрю, читает, я не спрашивала, что. Потом гляжу, опять пошел исповедаться. Думаю: «Ну, молодец!» К старости у него ноги стали плохо ходить, с сердцем что-то не так было. Три месяца пролежал в больнице. Вот после этого он каждую неделю стал причащаться. И мне говорил: «Мои болезни — это мне наказа-

ние, потому что пил много». С бригадой он тогда халтурил, а там после дела все «обмывали». Часто приходил пьяный. Мне с порога говорил: «Спать лягу, я пьяный, а то вдруг спяну я тебе нагрублю!»

Тогда в деревне сами все дома строили. А у деда моего руки золотые, он и плотник, и каменщик, вот его везде звали помогать. Дом одной женщине вдвоем с напарником выстроили. Денег не принесет, а придет пьяный. Конечно, я с ним пререкалась. Но потом пить перестал — заболел. И о Боге вспомнил. Недавно он умер, в декабре. Его мама моя очень любила. Царствие им Небесное! Муж мой был — добрая душа. Мы и венчались с ним в Васильевской церкви, как только храм открылся. Он сам мне и предложил: «Бабушка, давай повенчаемся! Никто мне не нужен, ты у меня одна-единственная!» Конечно, я согласилась. Один сын у нас.

В молодости на очереди мы на жилье стояли, но вселили в нашу квартиру многодетную семью. Мы не огорчились, что ж, у нее много детей, у нас — один. Ну, еще поскитаемся, квартиру снять было трудно, а новый дом строили долго. Но работник он был хороший, его уважали и потом директор совхоза вызвал его и бумагу на квартиру лично вручил. Я же работала на заводе на Скобянке, чертежами занималась. В то время семь классов кончила — я считалась грамотная очень. Потом на курсах училась. Вот и трудилась я на работе, можно сказать, легкой — с бумагами.

А войну Отечественную как сейчас помню. Очень тяжело. Мы от голода опухали, у меня ноги, как подушки были. Всю крапиву пооборвали в округе, съели и лебедой питались. Ой, какая противная! Мама ее манкой приправляла и лепешки пекла. Ку-

Ныне спасение миру — видимому и невидимому. Христос восстал из мертвых; восстаньте с Ним и вы; Христос во славе Своей, — восходите и вы; Христос из гроба, — освободитесь из уз греха. Отверзаются врата ада, истребляется смерть, отлагается ветхий Адам, совершается новый. Пасха, Господня Пасха!

Святой Григорий Богослов

шать хочется, вот и ели траву эту, чтобы не умереть с голоду. Ой, как плохо мы питались, до тошноты. Вот мы и корову держали, а молоко-то надо было сдавать для фронта. Редко-редко, когда мама нам по стакану молока сэкономила — это уж был настоящий праздник. Долго-долго маленькими глоточками тянули это молочко. Конечно, маме нас до слез жалко было, а что поделаешь?! А ведь мы ее ничем не огорчили, ничего не просили, понимали все, что в стране происходит и жалели, не плакали. Отец на войне был ранен в ногу. Потом его комиссовали. Когда папа пришел, нам легче стало. Стал больше в колхозе делать, стали нам мучки добавлять, зерна. Сам сделал жернова, мы крутили, муку делали. Так вот и прожили. Трудные годы были!

Да и после войны голодуха была. 150 грамм ржи в год на человека!!! Вот и выживай, как знаешь!

Но какие добрые были люди! Очень-очень добрые, не то, что сейчас. В войну люди были отзывчивые, любили друг друга, помогали как только могли. Переживали-то: «Анюточка, ты как сегодня? Ведь ты вчера приболела». Она: «С Божьей помощью! Бог помогает». Мама у меня была божественная вообще. А тогда все Богу веровали, наверное. Все наши матери и бабушки. Друг о друге заботились: «Я там хлеб напекла, тебе занесу». Делились, не давали умирать друг другу. А сейчас люди и себя-то, наверное, не любят, не только других. Мне вот говорят: «Ты такая добротка, вот ты все и болеешь!» Да я не обижаюсь. Мне уж 80 лет будет в апреле! Возраст такой, что и умирать пора. Да живу еще, Бог дает мне силы.